

11. Mashin V.A. Kontsepsiya kultury bezopasnosti // Elektricheskiye stantsii, 1997, №4
12. Razlogov K.E. Kulturnaya opasnost // Kompaniya (ezhenedelnik). – M., 2008, 8 dekabrya.
13. Razlogov K.E. Rossiyskaya kultura: razvitiye ili bezopasnost- chto vazhneye? Vystupleniye na Moskovskom forume kultury (1 iyulya 2010 goda) //Kulturologicheskiy zhurnal 2010 / 2 http://cr-journal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf
14. Sazonnikova Ye.V. Kulturnaya bezopasnost kak vopros pravovoy politiki: ponyatiye i sodержaniye. //Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki, 2011, № 5 (11), ch. II.
15. Fetisova. Yu.V. Bezopasnost i kulturnyy kontekst : k obosnovaniyu pogyatiya «kultura bezopasnosti». Omskiy nauchnyy vestnik 2009 №3 s.89
16. Fliyer A.Ya. Kultura kak faktor natsionalnoy bezopasnosti // Obshchestvennyye nauki i sovremennost. 1998. № 3. S. 181-187.
17. Shiryayev V.P. Antinomii kulturnoy bezopasnosti // Vlast. – 2009. – 10.

ПРОБЛЕМА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ¹

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: dc_mail@bk.ru.

Целью статьи является категориальный анализ понятий, связанных с комплексом конфессиональной безопасности. Основная задача – выявление места конфессиональной безопасности в системе близких понятий, а так же отличие понятия «конфессиональная безопасность» от понятия «религиозная безопасность». В статье уточняется дефиниция понятия «конфессиональная безопасность» и раскрываются ее основные характеристики. Автор анализирует взаимосвязь конфессиональной безопасности с проблемой религиозной идентичности. В процессе работы над статьей автор приходит к выводу, что в поликультурном регионе система конфессиональной безопасности должна включать в себя грамотную систему политического регулирования государственно-конфессиональных отношений с учетом: разницы в системах вероисповеданий; сложностей функционирования поликонфессионального поля; проблем сохранения религиозной идентичности; механизмов сохранения межконфессионального равновесия (толерантности, межконфессионального диалога).

Ключевые слова: конфессиональная безопасность, безопасность, национальная безопасность, религиозная безопасность, религиозная идентичность, этнические и конфессиональные конфликты, чужой.

PROBLEM OF CONFESSIONAL SAFETY: THEORETICAL-CONCEPTUAL ANALYSIS

Topchiev Mikhail S., Candidate of political sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev St., e-mail: dc_mail@bk.ru.

The purpose of article is the categorial analysis of the concepts connected with a complex of confessional safety. The main task – identification of a place of confessional safety in system of close concepts, and revealing a difference of concept «confessional safety» from concept «religious safety». In article the concept definition «confessional safety» is specified and its main characteristics reveal. The author analyzes interrelation of confes-

¹ Статья опубликована при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «2012-1.3.1-12-000-3006-004» «Конфессиональная безопасность Прикаспия».

sional safety with a problem of religious identity. In the course of work over the article the author comes to a conclusion that in the polycultural region the system of confessional safety should include competent system of political regulation of the state and confessional relations with the account: differences in systems of religions; difficulties of functioning of a polyconfessional field; problems of preservation of religious identity; mechanisms of preservation of interfaith balance (tolerance, interfaith dialogue).

Key words: confessional safety, safety, national security, religious safety, religious identity, ethnic and confessional conflicts, stranger.

Введение. Проблема безопасности чрезвычайно сложна и становится все более актуальной как в связи с усложнением внешнеполитической обстановки, так и в связи с растущим количеством угроз человеческой жизнедеятельности. Эти угрозы настолько многовариантны, что формируют новый понятийный аппарат, который требует своего упорядочения и осмысления. Термин «конфессиональная безопасность» вписывается в более широкий контекст понятия «безопасность» и является относительно новым для отечественной политологии. Однако он уже введен как в политический (Н. Назарбаев), так и в научный оборот (А.И. Шустева, А.П. Романова). При всей кажущейся простоте и ясности, разветвленность и недостаточная проработанность категориального аппарата проблемы безопасности создает целый ряд трудностей и требует уточнения некоторых понятий.

1. Конфессиональная безопасность как часть национальной безопасности. Понятие конфессиональной безопасности включено в объем двух более широких понятий – «безопасность» и «национальная безопасность». Наиболее широким в данном случае является понятие «безопасность». Осмысление самого феномена безопасности начинается в эпоху Нового времени. Именно тогда в период великих географических открытий, расширения территорий, революционных событий безопасность как таковая провозглашается особой витальной ценностью. По выражению И. Бентама это «основа жизни, существования, довольства, счастья, – от нее все зависит» [1, 345]. Безопасность как естественное право человека фиксируется в ряде документов уже с XVII в.: в английском биле о правах 1776 г., американской Декларации независимости 1776 г., во французской декларации прав человека и гражданина в 1789 г.

Вплоть до XX в. безопасность традиционно понималась как военно-политическая, физически-телесная, ресурсная, распределительная и т.д. В ряде отечественных исследований: в работах Л.Н. Анисимова, З.С. Белоусовой, Н.С. Бирюкова, И.П. Блищенко, С.Н. Власова, В.Д. Кудрявцева и др. безопасность до сих пор отождествляется с государственной, национальной защищенностью от военных угроз.

Современность, привнося в жизнь человека все новые риски, расширяет понятие безопасности. Так, в энциклопедии «Глобалистика» безопасность, следуя закону «О безопасности» [4], определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Различают: социальную безопасность (финансовую, хозяйственную, технологическую); территориальную безопасность (экологическую, сырьевую) [16, с.63] В той же энциклопедии даны определения безопасности личности, понимаемой как состояние защищенности жизни и здоровья человека, его целей, идеалов, ценностей, интересов, свобод и прав от опасных воздействий (духовных, этнокультурных, социальных, экономических, медико-биологических, военных и т.д.) [16, с.63] В понятие безопасности включается также и защита от ядерной угрозы, терроризма, глобальных природных катастроф и т.д. В последнее время все чаще в контекст понятия безопасности начинает входить психологическая, культурная, информационная, этническая, религиозная и иные сферы. Далекое неоднозначным представляется понятие «безопасность человеческая», как образ совершенного мира, цель которой можно достичь путем сотрудничества государств и народов. Противоречивое содержание этого понятия раскрывается в статье Д.Дж. Пучалы». [13, с.63-65]

В основе понятия «национальная безопасность» лежит общее определение безопасности, дополненное уточняющими моментами. «Национальная безопасность» – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие РФ, оборону и безопасность государства». [14]

2. Конфессиональная безопасность религиозная безопасность. Конфессиональная безопасность является частью? прежде всего национальной безопасности. Впервые о конфессиональной безопасности упоминается в работах Ж. Бодена в XVIII в., который рассматривал его чрезвычайно широко. Под конфессиональной безопасностью он понимал защиту государства от чужеродных религиозных влияний. Проповедуя веротерпимость, Ж. Боден вменяет в обязанность суверену бороться против радикальных учений, посягающих на основы государственности. Всякая свобода веры и убеждений возможна лишь до тех пор, пока это не затрагивает публичного интереса и является вопросом частного выбора». [2]

На современном этапе осмысления этого понятия можно сказать, что он до сих пор еще недостаточно определен. Более того, в отечественной научной и публицистической литературе часто встречаются два на первый взгляд взаимозаменяемых понятия – «конфессиональная безопасность» и «религиозная безопасность». Однако, как не тождественны сами понятия конфессии и религии, так и нетождественны понятия религиозной и конфессиональной безопасности. Дефиниции последних в отечественной литературе выведены недостаточно четко, поэтому попробуем их отграничить.

Понятие религиозной безопасности чаще всего употребляется в отечественной литературе православного характера в основном в контексте защиты традиционной православной религии от современных нетрадиционных культов, имеющих экстремистский характер. Современными теологами создаются механизмы защиты от вступления молодежи в подобные секты». [9] Система этих механизмов и является основой, таким образом понимаемой религиозной безопасности. Однако и в светской отечественной научной литературе, введение понятия религиозной безопасности подразумевает безопасность традиционных религий и их защиту, прежде всего от нетрадиционных религиозных культов» [6]

По сути своей понятие религиозной безопасности в данном контексте является тождественным понятию безопасности (считая сохранения) традиционной религии (православие, ислам и т.д.) и в определенной степени продолжает идеи Ж. Бодена о необходимости защиты государства от инородных религиозных влияний.

Следовательно, можно утверждать, что с ростом значимости религиозного фактора в жизни социума возникают, как минимум, две проблемы, требующие научной разработки и правового закрепления: религиозная безопасность и правовая регламентация как деятельности органов государственной власти, так и религиозных движений с входящими в них некоммерческими организациями (общественными объединениями) в целях обеспечения такой безопасности» [6, с.121]

Камнем преткновения в данной трактовке является вопрос о традиционных религиях и о создании системы преференций именно для них. С одной стороны, идея свободы совести и вероисповедания предоставляет равные права всем религиям, не наносящим вреда человеческому здоровью и личности, с другой стороны, как считают сторонники изменения существующего законодательства в религиозной сфере, это наносит ущерб религиозной идентичности нации. По мнению И. Куницына, существующий ныне закон наносит вред «религиозной идентичности народов России на всей ее территории». Ситуацию может изменить только вопрос со статусом «традиционная конфессия», который должен предоставляться парламентом «путем принятия соответствующего закона». В отличие от ряда зарубежных стран полиэтничная и поликонфессиональная структура общества порождает необходимость «в вертикальной дифференциации правового статуса традиционных конфессий: одним конфессиям он должен присваиваться на федеральном, а другим, имеющим достаточную

социальную базу лишь в пределах субъекта федерации, на региональном уровне. Такое положение фактически уже начало спонтанно складываться в регионах, поскольку законодательство ряда субъектов федерации признает наличие разницы в социальном статусе конфессий». [8]

Во второй половине 1990-х гг. более чем в 40 регионах вышли локальные нормативные документы в сфере свободы совести. Они негласно представляли некоторые преимущества так называемым традиционным религиям. В Воронежской области закон «О защите детства, материнства и отцовства» ввел в правовой оборот понятие «культурообразующие религиозные организации». [3, с.207] В целой серии региональных актов 90-х годов об ограничении миссионерской деятельности, преимущество отдается традиционным религиям. Более того, в 1999 г. в Белгороде был принят акт на ограничение в регионе миссионерской деятельности любых конфессий кроме РПЦ, в 2004 г. такой же акт был принят в Курской области.» [3, с.208] К этому можно добавить приоритет православной конфессии в информационной политике ведущих телеканалов, попытки введения преподавания православной культуры в школах и вузах и др.

Если в моноконфессиональных регионах центральной России (Белгородская, Курская, Псковская области и т.д.) такая практика не вызывала широкого народного недовольства, то в исторически сложившихся поликонфессиональных регионах такая позиция была бы весьма проблематичной. Именно такого рода механизмы правовой стратификации и ограничений становятся основой формирования региональных систем религиозной безопасности.

В отличие от понятия религиозной безопасности, термин «конфессиональная безопасность» употребляется в основном в политической плоскости. Так, в диссертационном исследовании А.И. Шустевой такая форма безопасности позиционируется как государственно-конфессиональная и дается ее определение. «Государственно-конфессиональная безопасность включает в себя политико-правовые технологии и институты государственного вмешательства, контроля и регулирования, обеспечивающие конструктивный диалог конфессий и государства, способствующие нейтрализации угроз и разрешению этноконфессиональных и межконфессиональных конфликтов, а также препятствующих разрушению единого духовно-нравственного пространства страны. В государственно-конфессиональная безопасность представляет собой одно из основных направлений правовой политики государства, выражающееся в совокупности исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязи между институтами государства и институциональными религиозными субъектами (религиозными сообществами, религиозными партиями, религиозными движениями, конфессиональными центрами)» [15] Однако данная дефиниция носит скорее юридический, нежели политологический характер.

Понятие конфессиональной безопасности в последнее время используется и политическими деятелями, в том числе Н. Назарбаевым, который определяет ее как «систему государственных гарантий и поддержки духовного потенциала народов и наций и одновременно противодействий угрозам свободе вероисповедания и межрелигиозному согласию». [12]

Значение конфессионального фактора в системе общенациональной безопасности, подчеркивал и Г.В. Косов, отмечая, что «можно говорить об особом аспекте безопасности, который непосредственно связан с высоким уровнем конфессиональной напряженности». [7, с.90]

Под конфессиональной безопасностью нами понимается не столько система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культурной оболочки (что не является прерогативой государственной политики), сколько предотвращение конфликтов на конфессиональной почве (что уже входит в сферу государственной политики). Конфессиональная безопасность включает в себя наличие системы условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающей или, по крайней мере, смягчающей конфликты, связанные с конфессиональной принадлежностью.

Понятие «конфессиональная безопасность», с нашей точки зрения шире и понятия «государственно-конфессиональная безопасность», поскольку наряду с государственной безопасностью и системой государственно-конфессиональных отношений охватывает и межконфессиональные проблемы, и личную безопасность, а также сохранение религиозной идентичности не только на национальном, но и на личностном уровне.

Действительно, проблема конфессиональной принадлежности является не столько теологическим вопросом определения веры, сколько фактором идентификации себя с определенным религиозным вероисповеданием, а очень часто посредством этого и с определенным этносом, территорией, образом жизни. «Причисление себя к определенному религиозному течению, прежде всего, традиционно представляемого институционализированными конфессиями и оказавшего влияние на историческое становление российского общества, играет роль устойчивого идентификационного основания, а не религиозной ориентации как таковой».[11] Ведь, по сути, идентичность (англ. *identity*) – это характерная черта человека, связанная с его ощущением собственной принадлежности к определенной группе – политической партии, народу, религиозной конфессии, расе и пр.

Надо заметить, что в данной статье мы употребляем термин «религиозная идентичность» как традиционно используемый, хотя было бы уместнее говорить о конфессиональной идентичности. Мы говорим о соотношении себя с широким религиозным направлением, например христианством, исламом или буддизмом только в рамках противопоставления данной системы веры эквивалентной по значимости системе. Мусульманин идентифицирует себя с исламом в целом, прежде всего в сопоставлении с христианством. Внутри же ислама идет жесткая конфессиональная и этноконфессиональная идентификация. Так, в Астраханской области, где ислам занимает второе место по численности верующего населения, всегда существовали четко дифференцированные места религиозного поклонения. До XX века это конфессиональный характер деления: шиитская (персидская) мечеть и суннитские – остальные мечети. В настоящий момент, когда персидская мечеть разрушена, преобладает этноконфессиональный принцип – это татарские, чеченская, азербайджанская, дагестанская мечети.

Религиозная идентичность действительно очень часто является маркером культурной идентичности. Социологические исследования показывают, что за «самоидентификацией себя в качестве *православного* в ряде случаев стоит, не исповедание веры, не принятие православного образа жизни, а исключительно признание православия в качестве исторически сложившейся в нашей стране *культурной традиции*. Логичным результатом такого признания становится использование «православности» в качестве надежного и вместе с тем вполне конвертируемого символического капитала, что позволяет расценивать православную идентичность этого рода как один из симулякров постмодерной культуры».[5, ч.171] В этой ситуации для отождествления личности с православной традицией нет необходимости воцерковленности, принятия не только чисто внешних элементов православной культуры, но православного образа жизни и глубокого проникновения в догматику. В случае поликультурной или мультикультурной среды логичнее говорить об этнорелигиозной идентичности, поскольку принадлежность человека к определенной диаспоре является очень часто основным культурным маркером.

В любом случае проблема этнорелигиозной идентичности встраивается в систему конфессиональной безопасности, прежде всего на фоне глобализационных процессов, обусловленных интенсивной внешней и внутренней миграцией. Любые кризисные ситуации обостряют восприятие собственной этнорелигиозной идентичности. А в условиях интенсивной миграции в отсутствие внятной социальной политики возрастает значение именно этнорелигиозной идентичности. Учет ее возрастающей роли и связанных с этим проблем должен лечь в основу совершенствования механизма конфессиональной безопасности. Это связано непосредственно с восприятием «своего» и «чужого», которое в поликультурных регионах является достаточно размы-

тым. Исследования социологов во всероссийском масштабе показывают, что значительный процент респондентов разных конфессиональных групп не воспринимает представителей единых с ними конфессионально-культурных общностей, но далеких территориально, в качестве «своих». «Своими» скорее выступают соседи, представители других конфессий, но разделяющие некую общность бытия. «Так, у православных отношение к татарам и башкирам лучше, чем к единоверным грузинам и молдаванам, а респонденты буддийской группы воспринимают представителей восточноазиатской (буддийско-конфуцианской) культуры – китайцев и вьетнамцев в качестве представителей иностранных торговых диаспор, но не как единоверцев».[10, с.26] Подтверждают это и локальные социологические исследования, проведенные в 2010 г. в рамках Аналитической ведомственной целевой программы среди студентов Астраханского государственного университета, участником которых был диссертант. Выяснилось, что только 1,5 % обозначили как «чужого» представителя другой религии, 7,6 % – представителя другой «национальности». Для 35,9 % – чужой, это, прежде всего, иностранец, то есть территориально и ментально неблизкий человек.

В последнее время в Европе участились стихийные погромы, организованные мигрантами, и в обыденном сознании это естественно связывается с их религиозной, прежде всего, мусульманской, идентичностью. Такая связь имеется, «но не в качестве первопричины, а как идеологическое обрамление, которое привычно и близко для вовлеченной в волнения исламской молодежи».[10, с.27] Очень часто этнорелигиозная идентичность становится объектом политических манипуляций или неграмотных политических действий. Социологические исследования показывают, что этноконфессиональные характеристики являются, прежде всего, наиболее яркой оболочкой конфликтных ситуаций, и основная масса респондентов осознает их социально-экономические и политические корни. Степень же воздействия религиозной идентичности акторов этих конфликтов на сами политические процессы зависит от целой совокупности условий. «Религия, не будучи при этом первопричиной, лишь дает дополнительный импульс, мобилизует, сплачивает участников движений, придает им определенную устойчивость и целенаправленность» [10, с. 32].

Выводы. Хотя сама по себе религиозная идентичность не является результатом политической деятельности, политический выбор не является ее жестким коррелятом, однако, как показано нами в данной статье, проблема религиозной идентичности непосредственно встраивается в систему конфессиональной безопасности, прежде всего на фоне глобализационных процессов, обусловленных интенсивной внешней и внутренней миграцией. Однако потенциал, формы и характеристики ее проявления зависят от социально-политических условий, а поликультурный регион создает особые условия для взаимодействия различных религиозных идентичностей, что необходимо учитывать при создании системы конфессиональной безопасности. Таким образом, в поликультурном регионе система конфессиональной безопасности должна включать в себя грамотную систему политического регулирования государственно-конфессиональных отношений с учетом: разницы в системах вероисповеданий; сложностей функционирования поликонфессионального поля; проблем сохранения религиозной идентичности; механизмов сохранения межконфессионального равновесия (толерантности, межконфессионального диалога).

Список литературы

1. Бентам И. Изб. соч. СПб., 1869. Т. 1.
2. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000. Гл. 1 (14–15).
3. Жеребятьев М. Понимание принципа светскости в регионах // Религия и светское государство. Принцип *laissez faire* в мире и Евразии / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М., 2008.
4. Закон РФ «О безопасности». Ст. 1.
5. Ипатова Л.П. Православная идентичность как персональный портрет // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006.

6. Карпухин Ю.Г. Армия, правоохранительные органы и религиозная безопасность // Вестник РГГУ. Серия «Право». 2008. № 5.
7. Косов Г.В. Политическая концепция ислама: проблемы цивилизационного и политического анализа: монография. Ставрополь, 2008..
8. Куницын И. Защита религиозной идентичности в эпоху глобализации // URL: //cid:op.mhtml.1286870365535.1c3e855b2804d084@94.233.186.59.
9. Кураев Андрей, диакон. Техника религиозной безопасности // URL: <http://www.benjamin.ru/logos/kuraev/0003.html>.
10. Мchedlov М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социологические исследования. 2006. № 10.
11. Мchedlova М.М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12.
12. Нысанбаев А., Кадыржанов Р. Безопасность Казахстана // Казахстанская правда. 19.02.2003
13. Пучала Д. Дж. Безопасность человеческая // Глобалистика: энциклопедия. М., 2003.
14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
15. Шустева А.И. Институционально-правовое обеспечение государственно-конфессиональной безопасности в постсоветской России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2008.
16. Яновский Р.Г. Безопасность // Глобалистика: энциклопедия. М., 2003.

References

1. Bentam I. Izb. soch. SPb., 1869. Т. 1.
2. Boden Zh. Metod legkogo poznaniya istorii. М., 2000. Gl. 1 (14–15).
3. Zherebyatyev M. Ponimaniye printsipa svetskosti v regionakh // *Religiya i svet-skoye gosudarstvo. Printsip laisite v mire i Yevrazii / pod red. A. Agadzhyana, K. Russele.* М., 2008.
4. Zakon RF «O bezopasnosti». St. 1.
5. Ipatova L.P. Pravoslavnyaya identichnost kak personalnyy portret // *Grazhdanskiye, etnicheskiye i religioznyye identichnosti v sovremennoy Rossii.* М., 2006.
6. Карпухин Ю.Г. Армия, правоохранительные органы и религиозная безопасность // *Vestnik RGGU. Seriya «Pravo».* 2008. № 5.
7. Kosov G.V. Politicheskaya kontseptsiya islama: problemy tsivilizatsionnogo i politicheskogo analiza: monografiya. Stavropol, 2008..
8. Kunitsyn I. Zashchita religioznoy identichnosti v epokhu globalizatsii // URL : //cid:op.mhtml.1286870365535.1c3e855b2804d084@94.233.186.59.
9. Kurayev Andrey, diakon. Tekhnika religioznoy bezopasnosti // URL : <http://www.benjamin.ru/logos/kuraev/0003.html>.
10. Mchedlov M.P. Religioznaya identichnost. O novykh problemakh v mezhtsivilizatsionnykh kontaktakh // *Sotsiologicheskiye issledovaniya.* 2006. № 10.
11. Mchedlova M.M. Rol religii v sovremennom obshchestve // *Sotsiologicheskiye issledovaniya.* 2009. № 12.
12. Nysanbayev A., Kadyrzhanov R. Bezopasnost Kazakhstana // *Kazakhstanskaya pravda.* 19.02.2003
13. Puchala D. Dzh. Bezopasnost chelovecheskaya // *Globalistika: entsiklopediya.* М., 2003.
14. Strategiya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda// <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
15. Shusteva A.I. Institutsionalno-pravovoye obespecheniye gosudarstvenno-konfessionalnoy bezopasnosti v postsovetskoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-n/D., 2008.
16. Yanovskiy R.G. Bezopasnost // *Globalistika: entsiklopediya.* М., 2003.

О РОЛИ ФРОНТИРА В СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на примере Астраханской области)¹

Манцерова Ольга Владимировна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: olga_mantserova@inbox.ru.

Научный термин «фронтир» приобрел более широкое толкование как область или сфера, открывающая новые возможности, где физическая мобильность – это лишь проявление социальной мобильности. Статья посвящена изучению роли фронта-тира в выборе направления миграции молодежи Астраханской области. Установлено, что европейский и южный фронтиры Российской Федерации и европейский, южный и восточный фронтиры Астраханской области в аспекте социальной мобильности играют свою собственную роль. Восточный и южный фронтиры служат для молодежи Астраханской области возможностью осуществления международной туристиче-ской мобильности, а европейский фронтир молодежь выбирает с целью расширения своих жизненных возможностей и перспектив, получения доступа к современным системам социальных услуг, в особенности, к полноценному и, как отмечают рес-понденты, качественному образованию, а также поиска высокооплачиваемой работы.

Ключевые слова: фронтир, Астраханская область, социальная мобильность, мо-лодежь, миграция, европейский фронтир, восточный фронтир, южный фронтир.

ON THE ROLE OF FRONTIER IN SOCIAL MOBILITY OF RUSSIAN YOUNG PEOPLE (by the example of the Astrakhan region)

Mantserova Olga V., post-graduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev St., e-mail: olga_mantserova@inbox.ru.

The scientific term “frontier” gained a wider interpretation as an area, providing new opportunities, where physical mobility is only the manifestation of social mobility. The article is devoted to the role of frontier in the choosing of migration direction by young people of the Astrakhan Region. It is found out that European and southern frontiers of the Russian Federation as well as European, southern and eastern frontiers of the Astrakhan Region play their own roles in the social mobility. The eastern and southern frontiers represent the opportunity to take part in the international touristic mobility, and young people choose European frontier to enhance their life opportunities and perspectives, gain access to modern systems of social services, especially, full and as young people say qualitative edu- cation and search for high-paid job.

Key words: Frontier, Astrakhan region, social mobility, young people, migration, European Frontier, Eastern Frontier, Southern Frontier.

Терминологическая категория «фронтир» была введена в научный оборот аме- риканским исследователем Ф. Тернером, который впервые употребил специфическое понятие в 1893 г. в докладе «Значение границы в американской истории». Термин «фронтир» (англ. frontier – граница, рубеж) имел для Ф.Дж. Тёрнера прежде всего историческое значение и обозначал приграничную полосу либо область так называе- мых «свободных земель» во внутренних районах североамериканского континента, которая на протяжении всей истории страны вплоть до конца XIX в. осваивалась бе- лыми поселенцами и постепенно перемещалась («подвижная граница») в ходе терри- торальной экспансии на Запад, достигнув Тихоокеанского побережья. [8, с. 24]

Концепция фронта-тира в российской науке оказалась востребована, прежде всего, учеными – специалистами в области истории Сибири и геополитики Дальнего Вос-

¹ Статья опубликована при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инно- вационной России» по проекту «2012-1.1-12-000-3003-056» «Культурная память и культурное наследие фронта-тира».